

Спасая дни свои, тѣшатся,
Бѣгутъ въ разстройство казакъ.
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воємъ имъ востѣдъ,
И никому пощады нѣтъ.
Но что жъ? Побѣда измѣнила.
Раздался вдругъ неожиданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудю костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалася картеча.
Пальбу услышавъ издалеца,
Направа синіе пштыки,
Слѣшать ширванскіе полки...
На встрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаиль;
Но за поводъ коня схватилъ
Черкесь, и въ горы за собою—
Какъ не противился сѣдокъ—
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго движенія
Среди всеобщаго смятія
Не успѣлъ молодой Селимъ:
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызетъ.
Жизнь побѣжденнымъ не награда...
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнителъ, ихъ не узнаетъ.

XXV

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастие
Къ другому міру, хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластие,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
Душа и мысли улетаютъ,
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣней прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣнемъ охлажденный,
И спорить съ рокомъ приученный,
Не усадишь, не позабышь
Свои страданія желаетъ,
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ—побѣдить;
Въ, зная собственную силу,
Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...

Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу.

XXVI

Онъ раненъ; кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, хрипя и пышетъ;
Одинъ Селимъ не отстаетъ:
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
Боязни блѣдность на челѣ;
Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтъ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее «прости»
Его бы съ жизнью разлучило.
Будь передъ міромъ онъ злодѣй—
Что для любви слова людей?
Что ей небесъ опредѣленье?
Нѣтъ, охладить любовь—гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло.

XXVII

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони;
Между проваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой,
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И бесполезная рука
Ужъ не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шапки задѣвая;
И съ неприступной высоты,
На новыхъ путниковъ взирая,
Чертеетъ серна молодая.
Налѣво—пропасть; но краемъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Внизу свирѣпъ и одинокъ,
Никѣмъ невѣдомый потокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремячою волной;
То блещетъ бахромою перловой,
То изумрудною каймой;
Какъ двѣ семьи враждебный геній—
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синій небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желаніе и взглядъ
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и слѣшаютъ:
Смѣняя въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И мнителъ, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ.